

УДК 159.99

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Варфоломеева О.В.

Общая нестабильность постсоциалистического пространства оказывает на современного человека психотравмирующее влияние, что обуславливает возрастающую потребность общества в квалифицированных психологах и психотерапевтах. Это делает *актуальным* интерес к исследованию акмеологических основ их профессионализма. Современная акмеология – это наука о достижении вершин человеческого качества в человеке, об овладении мастерством и совершенством в избранной профессиональной деятельности. Она изучает феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости, особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии (высшие формы самореализации личности) [1; 4; 9]. «Акме» как высшая точка, расцвет, зрелость, лучшая пора представляет собой многомерное состояние человека [4, с.5].

Постановка проблемы. На наш взгляд, акме психотерапевта – это вершина в профессиональном развитии, представленная, прежде всего, вербальной зрелостью и компетентностью. Это состоявшееся **вербальное (интерпретационное) акме психотерапевта как субъекта профессиональной деятельности** [5]. Перед последним стоит задача грамотного толкования психотерапевтического дискурса посредством герменевтического инструментария [5; 6]. Акмеология, возникшая на стыке естественных, общественных, гуманитарных и технических дисциплин, выполняет в современной науке интегративную функцию. Мы считаем, что это позволяет рассматривать в междисциплинарном контексте проблему интерпретации дискурса: лингвистический, герменевтический, литературоведческий, психологический, психотерапевтический контекст.

Современная акмеология имеет существенное значение для развития управленческой, педагогической и, что наиболее актуально в данном научном контексте, психотерапевтической деятельности, где понятие «зрелость» рассматривается в качестве эталонного сочетания свойств.

Исходя из вышеизложенного, *цель научной статьи* – изучение интерпретационного акме психотерапевта, а также герменевтического инструментария интерпретации психотерапевтического дискурса.

Языковая личность характеризует психотерапевта как включенного в психотерапевтическую лингвокультуру, где З. Фрейд искал у классиков бессознательное, а у сюрреалистов – сознание. Вербально зрелый психотерапевт – это, образно говоря, посланник Гермеса, профессиональный проводник по коннотативным «лабиринтам» психотерапевтического дискурса, посредник между реальным и отражаемым мирами, в которые он одинаково вхож. Интерпретация – это одна из труднейших задач, стоящих

перед языковой личностью как профессиональным толкователем текстов. Здесь необходимо владеть рефлексией, иметь богатые фоновые знания, грамотно ориентироваться в формальных средствах смыслового выражения текста. Психотерапевт-интерпретатор проделывает кропотливый путь от понимания отдельных частей к целостности герменевтически окрашенного смыслового пространства и наоборот. В результате происходит интенсивное расширение границ наличной информации, «прорыв за знаки», дешифровка. Последняя представляет собой исследование сообщений, текстов, дискурсов для обнаружения информации, закодированной или предъявленной неизвестным исследователю способом [8].

Психотерапевтический процесс является классическим примером дискурса, т.е. текста («ментального зеркала»), взятого в событийном аспекте, и речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания. П. Рикер выделяет пять характеристик дискурса:

- 1) дискурс существует как неотложность, которая имеет событийную природу;
- 2) предпочтение одних значений и отказ от других;
- 3) этот выбор приводит к высказыванию и пониманию еще невысказанных фраз;
- 4) только в дискурсе язык реализует свою способность к соотношению: говорить что-то и о чем-то;
- 5) способ обозначения субъекта дискурса включает в себя события, выбор, новизну, соответствие [15].

Психотерапевтический дискурс как «речь, погруженная в жизнь» непредсказуем и уникален, т.к. является отражением языковой модели мира клиента. «Я всегда дорожил, – признается С. Дали, – ее письмами – мощным документальным свидетельством великолепного параноидального дара, и неизменно подвергал их анализу», здесь «сливаются два потока: глубоинный и внешний. ... Истинная реальность заключена внутри нас; каждый проецирует ее на мир посредством своей – уникальной – паранойи. Именно так мы отвечаем вселенной ... тяготящей нас» [17, с.223-397]. Текст, по мнению Р. Барта, является «вожделенной зоной свободы»: «я мыслю, следовательно, я ускользаю» [3]. В ходе интерпретации психотерапевтического дискурса, как показали наши исследования, проявляются три группы речевых трудностей: 1) продуктивная реализация речевой интенции; 2) безошибочная идентификация предъявляемой клиентом проблемы; 3) достижение единого контекста речевого психотерапевтического взаимодействия [6].

Вопрос о законах интерпретации – это всегда вопрос об истинности интерпретации коннотативных смыслов [2; 3; 5; 7; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 18; 19]. В.В. Знаков, обстоятельно описавший проблемы психологии понимания правды, подчеркивает, что «истина» бессубъектна, а «правда» у каждого своя [10, с.84]. Также он выделяет три типа понимания правды: 1) инструментальная, документальная правда; 2) нравственная, регулируемая моральными принципами правда; 3) рефлексивная правда, регулируемая совестью [10, с.121-127]. Мы предлагаем рассматривать понятие «истина» и «правда» в качестве психотерапевтических категорий. Так, «истина» (переводимая с древнегреческого как «не скрытое») в поле функционирования герменевтически окрашенного психотерапевтического дискурса релевантна разгаданной загадке, интерпретированной эмоционально-личностной проблеме. «А что, если шутки мои – чистая правда? А чистая правда – забава чистой воды? ... Я никогда не мог разрешить

роковой вопрос: где у меня кончается притворство и начинается искренность... Пока все разглядывают мои усы, я, укрывшись за ними, делаю свое дело... Грань между вымыслом и истиной размыта, но я всегда точно знаю, где именно у меня кончается бред... Горизонт – это данность, физика, а то, что скрывается – метафизика» [17, с.377-424]. Мы считаем, что объективная реальность – это «философия Истины», а психологическая модель мира – «философия Мнения» (терминология В.В. Знакова). «Истина» трансформируется в зрелую «правду», преломляясь через реальную личностную судьбу – историю, отражаясь в конкретном человеческом сознании.

Межличностное общение в психотерапевтической группе, как считает И. Ялом, проходит по схеме «Родитель – Родитель» [19]. Здесь имеет место обратная связь, четкость которой сродни зеркальному отражению, ведению протокола (аналог инструментальной правды). Индивидуальная психотерапия работает по схеме межличностного общения «Взрослый – Взрослый» – аналог рефлексивной правды. Психотерапевт как ответственный субъект профессиональной деятельности всегда аутентичен, конгруэнтен, эмпатиен, открыт межличностному взаимодействию, что является аналогом нравственной правды. Психотерапевт должен уметь сознательно переключаться с языка одного типа «правды» на язык другого, что зависит от задач интерпретации психотерапевтического дискурса.

Одной из разновидностей функционирования категории правды, по нашему мнению, является метафора – языковая замена, скрытая ментальная подмена. Общеизвестна способность метафоры к передаче информации и субъективно окрашенному проникновению в реальность [3; 7; 12; 15; 17; 18 и мн. др]. Решающая характеристика данной языковой замены заключается в ее семантической инновативности, благодаря которой новая уместность и новое согласование «творят смысл» высказывания. Новая семантическая согласованность метафорического выражения возможна потому, что между некоторыми двумя словами или явлениями устанавливается определенная смысловая близость (**правда – для меня**) вопреки реальной «дистанции» между ними. Силой метафоры является ее способность ломать существующую категоризацию, чтобы после этого, по словам П. Рикера, «на развалинах старых логических границ строить новые» [15, с.427]. Именно в вымысле «отсутствия», в своего рода приостановке реальности сливаются с «позитивным прозрением» потенциальные возможности нашего бытия-в-мире, «которые наше ежедневное общение с объектом... деятельности имеет *тенденцию скрывать*» [15, с.429]. Метафорическая референция сохраняет обыденное видение мира в напряженной связи с новым. Семантическая выпуклость метафор заключается в способности **«показывать»** смысл, который они выражают. Продуктивными окажутся метафоры, способные вызвать удивление и открытие. Узнавание метафоры – это смысловая интерпретация текста. Вещи и идеи, которые были отдалены друг от друга (например, предъявление психологической проблемы и ее интерпретация), оказываются «соседствующими». Метафорический смысл, таким образом, это не «сама загадка (семантическая коллизия)», а ее решение, т.е. установление новой семантической правильности (**правдивости**). Буквальный смысл, по мнению П. Рикера, имеет загадку, а метафорический – ее решение, «семантический взрыв», «семантическую дерзость» [15]. Загадка остается неразрешенной, пока мы рассматриваем мир как неподвижную ментальную картинку. Иными словами, метафорическое выражение – это всегда иносказание (субъективная правда, отход от истины), перенесение нового необычного

имени с одного предмета, явления и события на другой; это переход одних чувств и мыслей к другим чувствам и мыслям. Метафора как наиболее продуктивное средство наполнения языка активно участвует в создании языковой картины мира.

Выводы.

Интерпретационное акме психотерапевта представлено:

- вербальной зрелостью и компетентностью;
- сформированностью навыков герменевтического анализа психотерапевтического дискурса;
- умением переключаться с языка одного типа правды на язык другого;
- использованием психотерапевтической метафоры как рода психотерапевтической правды и др.

Перспективы исследования – предложить схему акмеологического анализа психотерапевтического дискурса.

Список литературы

1. Акмеология. Учебник / Под. ред. А. А. Деркача. – М.: РАГС, 2002.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
3. Барт Р. S/Z. – М.: РИК «Культура», «Ad Marginem», 1994. – 303 с.
4. Бодаев А.А. Вершина в развитии взрослого человека: характеристика и условия достижения. – М.: Флинта: Наука, 1998. – 168 с.
5. Варфоломеева О.В. Психотерапия: герменевтический контекст. Монография. – Симферополь: Бланк-экспресс, 2002. – 148 с.
6. Варфоломеева О.В. Формирование эффективного психотерапевта как развития языковой личности: Дисс... канд. – М., 1998. – 187 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Глогова Г.А. Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 256 с.
9. Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. – М.: РАГС, 2000. – 392 с.
10. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб.: АЛЕТЕЯ, 1999. – 282 с.
11. Кочюнас Р. Избранные лекции по психотерапии. – М.: Академический проект, 1999. – 240 с.
12. Лакан Ж. Функции и поле речи в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
13. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 432 с.
14. Менегетти А. Введение в онтопсихологию. – Пермь: Хортан ЛИМИТЕД, 1993. – 60 с.
15. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Медиум, 1995. – 416 с.
16. Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет // Историко-философский ежегодник. – М., 1991.
17. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. – М.: СВАРОГ и К, 1998. – 464 с.
18. Цветаева М. Пленный дух. – СПб.: Азбука, 2000. – 448 с.
19. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. – СПб.: Питер, 2000. – 640 с.

Поступила в редакцию 29.03.2006 г.